

Соловьи

Вновь майская юная зелень окружила дом, в котором я живу. Только-только отшумело буйство бело-розового цветения фруктовых деревьев. Словно множество невест в танце, кружились-качались на ветру абрикосы и вишни, яблони и груши, посылая в открытые окна нежные неповторимые

ароматы. Стоит открыть окна, и в квартиру врываются весенние запахи и звуки. Уже недели две поёт своё «ку-ку» неугомонная кукушка, то замолкая, то вновь и вновь насчитывая бесконечность лет всем, кто её слышит. Ей вторит хор лягушек - они смешно вытягивают зелёные головки из воды неширокой и обмелевшей в последние годы речки...

А вот и соловей! Да, уже несколько дней, заливаясь по утрам и вечерам, выводит он свои трели. Наверняка их там живёт несколько...

Прелести жизни в небольшом городе именно в этом. Цивилизация у нас с южной стороны дома - шумный асфальт, шелестящие многочисленные автомобили и поток спешащих людей. А северная сторона – сплошная зелёная зона! Метров сто до реки, и за ней - сколько видит глаз, заросли плакучей ивы, ольхи, берёз и клёнов, тёмно-зелёных трав по пояс, и душистых мелких ромашек.

- Тёх-тёх-тёх-тёх, тиу-тиу! - влетает песня в мой дом, - триии, триии, ти-ти-ти-ти,

- Тёх-ир, тёх-ир, тиу-ир, ти-ти-ти-ти.....

- Виик, виик, виик....

- Тах-тах-тах, ти-ви-ар!

- Ах-ах-ах-ох, тиу-ар, тиу-ти...

- Трёх-трёх, тьови-тьови... - попыталась я записать человеческими буквами нотки-трели, от которых, кажется пьянела не только я, но и сам исполнитель... Соглашусь - позорная попытка подражания...

Здесь, на месте нашего дома, стоял когда-то дом моих дедушки и бабушки. Дед купил его ровно сто лет тому назад за двадцать пять рублей у старика-священника.

Моя мама рассказывала свои детские воспоминания о том, что рассматривая дом, мой дед Иван услышал в открытом окне пение соловья, и

застыл, поражённый! С разрешения хозяина вышел в сад, спустился вниз – к реке. Там постоял в онемении-очаровании, и решился на покупку этого дома! Его убедили соловьи!

Позже, уже, когда жили здесь всей семьёй, пока пели соловьи свои серенады, окна круглосуточно были открыты настежь. Потом вырос молодой сад, пышная сирень, жасмин, бульденеж - вся красота сверкала за окнами, радуя семью.

Он, молодой врач, уже десять лет практиковал также и на дому, был универсальным лекарем. Сюда, в уездный городок, приехал Иван после окончания университета, где получал царскую стипендию за отличную учёбу. И в дореволюционные времена замечали толковых студентов...

Здесь, на службе в больнице, познакомился с красавицей-акушеркой Евгенией, которая вскоре стала его женой. Здесь выросли три дочери Ивана Матвеевича и, как отец стали врачами. Здесь прожил он с любимой женой до самой Великой Отечественной. Был уже старым и болел, но ушёл в партизаны, лечил раненых, пережил войну. Вскоре умер, и благодарные пациенты несли его гроб длинные два километра на плечах – до самого кладбища...

А жену, оставшуюся в войну в городе, убили фашисты – это тоже ускорило уход деда Ивана...

Когда мама вышла замуж за моего папу, то их комната располагалась окнами на речку. И папа сразу влюбился и в сад, и в трели соловьёв, доносящихся с реки. Так же, как когда-то у деда Ивана, окно в спальне родителей было открыто настежь с апреля по октябрь!

Папа расчистил старый и посадил новый сад, взамен уничтоженного войною. Здесь проводил он всё своё свободное время после своих лекций. Его бархатный баритон разносился среди яблонь и груш, я постоянно слышала любимую его мелодию - песенку герцога из оперы «Риголетто»

Сердце красавиц
Склонно к измене
И к перемене,
Как ветер мая...

- Папа! Спой ещё! – приставала я, выглядывая из-за куста смородины или крыжовника.

- Ай! Иди! – отмахивался, улыбаясь, папа, - на заказ не исполняю! И продолжал обкапывать деревья, обрезать их, белил стволы или выполнял другую нужную работу – в разные поры года – разную... Потом увлекался, и опять начинал петь любимые песни из кинофильма «Весна на Заречной улице»

Когда весна придёт, не знаю,
Пройдут дожди, сойдут снега,
Но ты мне, улица родная,
И в непогоду дорога

А мама копалась в своих клумбах. Каких только цветов не было у нас

в саду! Большие и маленькие маргаритки, подснежники, крокусы, ромашки – тоже разных размеров и расцветок. Как я теперь понимаю, названия у «ромашек» тоже были разные. Мне нравилось буйство разноцветных тюльпанов и пионов, первые нарциссы с их резким душистым запахом, осенние георгины... Клубни георгин

мы выкапывали осенью и хранили в погребе под домом – таинственном глубоком подземелье с кованными старинными дверьми.

А сколько было роз! Всех цветов радуги! Из роз состояла живая изгородь, отделяющая от соседей наш двор. И вредная соседка-полковничка Матильда вместо того, чтобы любоваться ими, медленно уничтожала кусты, подрезая ветку за веткой, либо поливала розы всякой гадостью...

А потом выросла я. Здесь, в нашем саду, были мои первые, вторые, и все последующие свидания... Валера – любовь всей моей жизни, сразу влюбился и в меня, и в мой сад, и в старинный дом. Мы были детьми-пятиклассниками, когда познакомились. И в первую же нашу детскую весну, играя под цветущими деревьями в саду, услышали соловьёв. Они пели-заливались, и Валерка застыл, ахнув!

- Кто это поёт? Я слышал канареек, щеглов... Но так красиво

никто не поёт! – шептал Валерка, прислушиваясь к завораживающим звукам.

- Соловьи! – говорила я, удивляясь, что он их не слышал раньше.

- А давай их выследим! – загорелся Валера, - посмотрим, какие это птички...

Так как нашим похождениям не было конца и края, а все окрестные сараи-подвалы-развалины и деревья были облазаны, я согласилась. И вот мы рано утром отправились на другой берег речки, и засели в засаде, в лопухах. Комары были очень рады нашему появлению! Мы гоняли их, а хлопать ладошками по комарам не решались, чтобы не распугать живущих рядом соловьёв. Да, мы

услышали песню-трель совсем рядом! Но – никого не было видно! Выбрались, пригибаясь, пошли на голос. И, понятное дело, песня тут же оборвалась... Так мы несколько часов охотились за соловьями. Не получилось! Не увидели мы тогда живого соловья!

И только много лет спустя, когда находились на даче, удалось увидеть соловушку. Он оказался внешне в точности таким же, как та давняя птичка с картинки в энциклопедии из нашего детства – серо-коричневый и невзрачный, но такой же голосистый, как наш заречный городской маэстро.

Сколько соловьиных поколений сменилось в окрестностях нашего, теперь уже многоэтажного дома, построенного на месте снесённого любимого сада и старого дома деда Ивана! А кажется, что это один и тот же певец!

Вечный круговорот жизни! Опять весна и яркий май! Я открываю окна рано утром, и впускаю в дом вместе со свежим речным воздухом щебетанье-чирканье многоголосого птичьего хора с его главным солистом – лучшим нашим певцом – соловьём...